

АНТИЗАСТОЙНЫЕ ЛЕНТЫ «ЭПОХИ ЗАСТОЯ»

Ян КРИСТИ

«Гардиан», МАНЧЕСТЕР

Что и говорить, в СССР многое делается не как у нас. Удивительная история Алексея Германа, о которой уместно вспомнить в связи с прошедшей в одном из лондонских кинотеатров ретроспективой его произведений, неплохо иллюстрирует это. И хотя на долю этого режиссера выпало немало унижений, напрасно было бы отыскивать в трех великолепных, «бескомпромиссных» фильмах, снятых им примерно за 15 лет, признаки инакомыслия.

Велико искушение воспринимать фильмы Германа со стандартной для Запада позиции, пытаться прежде всего понять, почему их запрещали. Вместо этого следовало бы подойти к оценке с иной точки зрения: эти ленты принадлежат к числу самых зрелых произведений, родившихся в «эпоху застоя».

И хотя первая самостоятельная картина Германа, «Проверка на дорогах», затрагивает обнаженную, как нерв, тему советских военнопленных, испытывавших дурное обращение со стороны своих же, трудно поверить, что именно это стало причиной запрета в 1971 году, и киностудия «Ленфильм» была даже вынуждена возместить «в качестве наказания» убытки, связанные со съемками.

«Проверка на дорогах» сделала огромный шаг по пути к реальному воплощению темы Великой Отечественной войны. Сержант Красной Армии совершает побег из нацистского плена и пытается присоединиться к отряду

партизан. И здесь он сталкивается с двумя — прямо противоположными позициями. В отряде одни относятся к нему с симпатией, другие — в лице истеричного и воинствующего майора — с болезненной подозрительностью, сыгравшей трагическую роль в судьбе многих русских людей.

Первым наставником Германа был его отец — известный советский писатель Юрий Герман. Они вместе написали сценарий «Проверка на дорогах», в основу которого легли впечатления отца, в прошлом — военного корреспондента.

А автором сценария для второго фильма, «Двадцать дней без войны», стал близкий друг их семьи писатель Константин Симонов. До сих пор не могу забыть ошеломляющее впечатление, которое произвел фильм на членов нашей делегации, приехавшей в СССР в 1984 году по приглашению Союза кинематографистов. Такое воздействие отчасти следует отнести на счет актеров, выбранных Германом. Юрий Никулин своей сдержанной игрой сумел передать то, чего не выразить никакими словами. Абсолютно по-новому раскрывается здесь и Людмила Гурченко. Фильм позволил нам тогда впервые по-настоящему ощутить, чем была эта война для советских людей.

Очевидно, такая подлинность оказалась чрезмерной с точки зрения властей. «Двадцать дней без войны» «случайно» показали на фестивале в Канне, но у себя на родине лента была практически изъята из проката.

Другая готовившаяся вместе с отцом работа Алексея Германа — «Мой друг Иван Лапшин» — смогла впервые появиться на экранах лишь в пору гласности. От беспристрастно повествует о том периоде, который до недавнего времени оставался практически за пределами художественных исследований. Лапшин — это, мягко говоря, нетипичный герой. Провинциальный сыщик, агент НКВД, свято верящий в то, что борясь с местной бандой преступников, он помогает строить коммунизм. Лапшин — не оправдание идеалистов 30-х годов и не знамение грядущего террора; он «большой ребенок», преданный, смелый, неуклюжий и несчастливый в любви. Быстро сменяют друг друга кадры, похожие на старые фотографии в виньетки. Но мы успеваем осознать, что люди, которые промелькнули перед нами, живут на краю пропасти.

Знакомство с лентами Германа наводит на разные вопросы. Например, в какой другой стране может режиссер посвятить почти 15 лет созданию трех шедевров? И были бы они подлинно шедеврами, если бы не постоянно висевший над ним меч цензуры? Некоторые сейчас задаются даже еще одним вопросом: а не явится ли гласность тормозом для развития серьезного искусства? Кто знает. Но в настоящий момент ее можно только благодарить за то, что она открывает нам таких мастеров.

Ленинградский рабочий. — 1989 — 27 янв.